

- северо-западного Причерноморья. — Киев: Наук. думка, 1987.
22. Приходнюк О. М. Об этнокультурной ситуации в Днепровском лесостепном пограничье во второй половине I тысячелетия н.э. // Проблемы этногенеза славян. — Киев, 1978.
  23. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. е. — Київ: Наук. думка, 1980.
  24. Приходнюк О. М. Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. — Киев: Наук. думка, 1989.
  25. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. — М.: Наука, 1982.
  26. Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э. — Киев: Наук. думка, 1985.
  27. Археология Украинской ССР. В 3-х т. — Киев: Наук. думка, 1986. — Т. 3.
  28. Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. — Киев: Наук. думка, 1990.
  29. Артамонов М. И. Этническая принадлежность и исторического значение на пастирската култура // Археология. — 1969. 3.
  30. Артамонов М. И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. — 1970. — Вып. 15.
  31. Березовец Д. Т. Слов'яни і племена салтівської культури // Археологія. — 1965. 19.
  32. Димитров Д. Ил. По въпроса за гробните камери с трупозгаряне в ранносредновековните некрополи в Североизточна България и Добруджа // ИНМВ. — 1976. XII.
  33. Ангелова С. Т. Традиции в прабългарската керамика на Североизточна България (VII—IX в.) // ГСУ, ИФ. — 1982. — Т. 74.
  34. Русанова И. П. Славянские древности VI—VII вв. Культура пражского типа. — М.: Наука, 1976.
  35. Швецов М. Л. Подкурганые захоронения хазарской эпохи. — Донецк, 1985.
  36. Бранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). — Киев: Наук. думка, 1990.
  37. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — М.: Наука, 1967.
  38. Айбабин А. И. Келегейское погребение военного вождя // Проблеми на прабългарската история и култура. — София, 1991. 2.
  39. // Проблеми на прабългарската история и култура. — София, 1989.

В. П. СТЕПАНЕНКО

К СТАТУСУ ТМУТАРАКАНИ В 80—90 гг. XI в.

Общепризнанно, что судьбы владений Византии в Крыму и на Боспоре в конце XI — первой половине XII вв. остаются достаточно смутными. Если по истории Херсонеса этого периода мы имеем хотя бы отрывочные сведения, то ситуация в Восточном Крыму и на Таманском полуострове известна намного хуже. Надпись патрикия и стратига Херсона и Сугдеи Льва Алиата (1059) свидетельствует о том, что в середине XI в. Византия продолжала контролировать Сугдею, административно объединенную с Херсоном в рамках одной фемы (1, с. 15—17). Керчь в первой четверти XI в. входила в состав империи, если принять чтение И. В. Соколовой надписи моливдовула Георгия Цулы как протоспафария Боспора (2, с. 133—134), тогда как 60-е гг. XI в. она, вероятно, перешла под контроль князя Тмутаракани. Но, вопреки мнению А. В. Гадло, это не означало, что, объединив две фемы, Византия «усиливает свои позиции в Крыму» и «берет тем самым в свои руки контроль над каботажным плаванием из Руси, из Днепровского лимана в Керченский пролив» (3, с. 11). Империя могла сделать это много раньше, когда в период правления Иоанна Цимисхия (969—976) был восстановлен ее кон-

троль над Сугдеей, где была создана фема и на руинах хазарских укреплений отстроена крепость (4, с. 269; 5, с. 54). Но для второй половины XI в. объединение фем под властью одного стратига было рядовым явлением, отражая эволюцию фемной организации империи (6, с. 273) и конкретную ситуацию на ее границах (7, с. 192).

Ю. А. Кулаковский полагал, что Керчь входила в состав Тмутараканского княжества, исходя из атрибуции моливдовула Феофано Музалон (8, с. 132—133). Н. А. Насонов датировал переход Керчи под власть князя Тмутаракани первой четвертью XI в. (9, с. 93), М. И. Артамонов относил это к 60-м гг. XI в. (10, с. 440). Ссылаясь на опубликованный Г. Шлюмберже моливдовул стратига Боспора Аркадия, широко датированный им X—XI вв. (11, с. 206), В. Г. Васильевский, А. А. Васильев, М. В. Левченко и А. В. Гадло считали, что Византия сохраняла контроль над Керчью и в 60-е гг. XI в. (12, с. 1. XY; 13, с. 253; 14, с. 223; 3, с. 8). В связи с этим последний исследователь был вынужден объявить надпись князя Глеба Святославовича 1067/8 гг. не более, чем «реляцией о попытке самого Глеба закрепить за Тмутараканью запад-

ный берег пролива». А. П. Каждан полагал, что Боспор моливдовула Аркадия вероятнее всего Фракийский, но не Киммерийский, приведя в качестве доказательства этого опубликованный А. Б. Панченко моливдовул Иоанна, хартулария Хрисополя и Боспора (15, с. 102 № 368(393); 16, с. 93). В настоящее время чтение А. Б. Панченко отвергнуто, так как на экземпляре моливдовула Британского музея читается не «Боспора», но «других городов» (17, с. 207; 18, с. 112). Но и аргументация В. Г. Васильевского не выдерживает критики, так как нет никаких оснований считать Боспор моливдовула Аркадия Боспором Киммерийским, а его широкая датировка не дает возможности использовать его как аргумент «за» или «против» присутствия Византии на Боспоре Киммерийском в XI в.

Косвенными свидетельствами в пользу принадлежности Керчи княжеству в 60—80 гг. XI в., кроме надписи Глеба, являются находки монеты князя Михаила в Керчи и печати посадника Ратибора, наместника Тмутаракани (1079—1081) от имени киевского князя Всеволода — около Керчи (19, с. 251, № 253; 20, с. 270—275).

Что касается Херсонеса, то Византия удерживала его даже в самые трудные для нее 70—90 гг., отражая не только сельджукскую экспансию в Малой Азии, но и натиск норманнов и печенегов на Балканы. Около 1092 г. Алексей Комнин сослал сюда самозванца Константина Диогена, бежавшего затем к половцам (21, с. 266). Контролировала ли Византия во второй половине XI в. побережье между Сугдеей и Керчью, неизвестно.

Хотя присутствие русских князей в Тмутаракани фиксируется источниками с конца X в. (988 г. — 22, с. 83; 9, с. 93)*, нет оснований рассматривать ее как обычное древнерусское княжество. Специфика Тмутаракани в этнокультурном, политическом и социальном планах очевидна (23, с. 74—94). Уместно напомнить здесь точку зрения, высказанную еще в 1928 г. И. П. Козловским, писавшим, что это была своеобразная причерноморская вольница, военная и торговая колония, убежище князей-изгоев, которую вряд ли можно рассматривать только в контексте истории Древней Руси (24, с. 64—67). Данную точку зрения с определенными оговорками разделял и А. Л. Монгайт, признававший, что «при попытках определить границы княжества в XI в. мы все время остаемся в области косвенных доказательств и предпо-

жений» (25, с. 60). В последнее время в ряде своих работ А. В. Гадло предложил смелую реконструкцию как внешне, так и внутривизантийского положения княжества в XI в., на наш взгляд, не всегда основывающуюся на многочисленных данных источников или излишне вольно интерпретирующую (29, с. 194—213). Трактовка автором политики Византии в Северном Причерноморье, как и политической ситуации в регионе, предельно далека от общепринятой. Так, А. В. Гадло полагает, что «установленный после триумфального похода Владимира на Корсунь мир в Северном Причерноморье был в 1015 г. нарушен восставшим византийского наместника Георгия Цулы в принадлежавших ей по договору 989 г. областях и городах Таврики». Действия Цулы, вероятнее всего, «явились реакцией местной... аристократии на кризисную ситуацию, возникшую в Киеве в связи со смертью Владимира». Подавление мятежа византийскими войсками и русским отрядом Сфенга квалифицируется как «захват Хазарии империей», а последующий по времени поход князя Тмутаракани Мстислава на косо-гов, как «меру, направленную на укрепление независимости княжества в условиях надвигающейся византийской опасности» (3, с. 26). Реконструкция автором причинно-следственных связей между событиями первой четверти XI в., на наш взгляд, далека от реальности. Византия владела Крымом — Хазарией задолго до русско-византийского договора 989 г. К тому же, его территориальные статьи, если они и существовали, не известны, и сам договор никак не отразился на позициях империи в регионе (см. 30, с. 228—229). В этой связи мятеж Цулы, если он и был связан с усобицей в Киеве после смерти Владимира, то лишь косвенно, так как борьба за власть на Руси делала невозможным участие ее войск в подавлении мятежа. Именно поэтому, как отметил и сам исследователь, русский отряд прибыл в Крым из Византии, но не из Киева. Прибытие отряда Сфенга не из Киева, но из Константинополя, по-видимому, связано с событиями, последующими на Руси после смерти Владимира, братом которого называет Сфенга Скилица (51, с. 464). А. В. Гадло считает его главой наемного варяжского отряда на византийской службе (27, с. 26). Но Скилица счел необходимым объявить его братом киевского князя... Сам Василий II в это время был занят покорением Болгарии. Поэтому ни о каком завоевании Крыма империей в связи с подавлением мятежа говорить не приходится. Разве что о восстановлении власти Византии здесь, учитывая, что до 1016 г. ей принадлежали и Херсонес и Керчь, где последовательно правил именно Цула, кстати, поднявший мятеж именно в Керчи, но не в Херсонесе. То есть, владения империи в Крыму граничили с Тмутараканским княжеством задолго до подавления мятежа Цу-

*А. В. Гадло датировал переход Тмутаракани под русский контроль 986/7 гг., связывая его с походом Владимира на косо-гов (26, с. 23; 27, с. 59—68), тогда как С. А. Плетнева связывала его с походом косо-гов Святослава в 965 г. (28, с. 69—70).

лы, и восстановление здесь ее позиций после подавления последнего лишь восстановило статус кво. Появление византийских войск у границ княжества могло создать угрозу его независимости, но как связать это с датированным 1022 или 1016/17 гг. походом Мстислава в противоположную сторону — на косогов? В случае угрозы независимости княжества со стороны империи, как полагает А. В. Гадло, совершать поход в том же году, имея на границе армию Монга, вряд ли было возможно. К сожалению, построения А. В. Гадло в данном случае предельно субъективны и противоречат фактам. То же можно сказать и относительно уверенной «реконструкции» повестки дня встречи царей Грузии и Алании (3, с. 10), о чем не знали даже современники.

Начало полемики относительно статуса Тмутаракани в 70—90 гг. XI в. положила публикация Н. Банеску моливдовула Михаила, архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии, принадлежавшего, по мнению исследователя, византийскому стратигу, сменившему здесь после 1094 г. ушедшего на Русь князя Олега Святославича (31, с. 57—77). Данную точку зрения в той или иной степени разделяли Ф. Дельгер, А. Грегуар, В. Лоран, А. П. Каждан (см. библиографию — 32, с. 222—223). Против построений Н. Банеску в том, что касается локализации Зихии и Хазарии, неоправданного расширения их пределов, а также статуса Михаила, выступил А. В. Соловьев (33, с. 658—680), точка зрения которого на первые два вопроса была поддержана А. Л. Монгайтом, на третий развита В. Л. Янинным (25, с. 60—61; 34, с. 26—29). Последний в своей интерпретации статуса Тмутараканского княжества в 70—90 гг. XI в. исходил из предложенного еще Х. Лопаревым отождествления Михаила, известного по Любецкому синодику задолго до публикации моливдовула архонта Михаила, с князем Олегом Святославичем, правившим здесь в 1078—1079 и 1083—1094 гг. (35, с. 163). А. П. Каждан считал, что это отождествление довольно шатко, так как основано на совпадении имени архонта и христианского имени князя Олега — Михаил (16, с. 95). А. В. Гадло приписал моливдовулу одному из предшественников Олега в Тмутаракани Ростиславу Владимировичу, также имевшему христианское имя Михаил (29, с. 204). Х. Лопарев полагал, что известная по моливдовулу архонтисса России Феодано Музалон — это известная по Любецкому синодику Феодано, жена Михаила Черниговского, отождествленного им с Олегом Святославичем, с чем согласилось большинство исследователей. Лишь Ю. А. Кулаковский предположил, что Феодано была архонтиссой «России», города, расположенного на европейском берегу Боспора Киммерийского в Крыму в 27 милях от Тмутаракани, известного по «Географии» Идриси и по договору Мануила Ком-

нина с Генуей в 1169 г. (8, с. 132—133). Данную аргументацию развил Н. Банеску. Полагая, что совпадение имен в синодике и в надписи моливдовула Михаила ничего не доказывает, он объявил Феодано женой некоего архонта Музалона, византийского чиновника на Боспоре в конце XI в., что подкрепляло его тезис о том, что и архонт Михаил был византийским наместником Тмутаракани, Зихии и всей Хазарии. В этом с ним согласился и В. Лоран, писавший, что он «против навязчивой идеи, что якобы, термин «архонтия Россиа» можно переносить на династов или местных князьков (эпирских, болгарских и русских). Он принадлежит византийским чиновникам, существование которых несомненно» (36, с. 279). Однако исследователь никак не аргументировал свою точку зрения. Показательно, что оба моливдовула используются как доказательства принадлежности Тмутаракани как Византии, так и Руси. При этом все исследователи исходят и из того, что моливдовулы явно связаны друг с другом, ибо их владельцы правили на обоих берегах Боспора Киммерийского приблизительно в одно время — в конце XI в.

Но если идущая от Х. Лопарева традиция подкреплена В. Л. Янинным достаточно стройной аргументацией, то никак не аргументирован основной тезис А. В. Гадло о том, что надпись моливдовула архонта Михаила отражает не реальный статус его владельца, но политические и территориальные претензии Ростислава на хазарское население, и формула «архонт всей Хазарии» является греческой калькой титула «хакан Хазарии», вследствие чего притязания князя распространялись на «принадлежавшие каганату земли, включая саму Тмутаракань и подвластную ей Зихию, и соседнюю с Хазарией Аланию, и Азово-Каспийский водный путь, у порога которого стояла Тмутаракань, и пути вдоль Кавказа на восток в Прикаспийские страны, куда в первой трети XI в. проходили русские дружины, а также входившие в состав Византии Херсон, Горный Крым и города южного берега» (29, с. 204). Таким образом, по мнению исследователя, «Матраха, Зихия и вся Хазария» моливдовула архонта Михаила — это территория Хазарского каганата в период его расцвета, на которую, судя по самому факту существования данного моливдовула, претендовал князь Ростислав Владимирович, имевший, таким образом, территориальные притязания не только на Зихию и Аланию, но и на крымские владения Византии. Но, по мнению В. С. Шандровской, «печать была объективным, беспристрастным свидетелем реально существующего, ибо она фиксировала лишь то положение владельца моливдовула, которое он занимал» (37, с. 36). Возможно, данное наблюдение применимо лишь к моливдовулам византийских функционеров, но не автономных владетелей.

Но в последнем случае тезис о том, что надпись печати отражает политические амбиции, а не реальный статус ее владельца, нуждается в подтверждении примерами из области древнерусской княжеской сфрагистики. В византийской их нет, учитывая, что моливдовула скреплял официальный документ, подтверждая статус и, как следствие, объем прав его владельца. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время традиционная атрибуция моливдовула Олегу Святославичу, при всей ее гипотетичности, более аргументирована, нежели предложенная А. В. Гадло.

До сих пор определение статуса Тмутаракани как византийской фемы или древнерусского княжества было основано исключительно на интерпретации моливдовула архонта Михаила. Однако, кем бы он ни был, реальный статус Тмутаракани в 80—90 гг. XI в. может быть определен лишь посредством анализа международных отношений в регионе в данный период.

В. Л. Янин полагал, что, «избрав этот титул (архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии — В. С.), столь отличный от традиционного титула архонта России, Олег как бы поставил себя вне сообщества русских князей», видя причину этого в том, что, «обособившись на берегах Боспора и заключив антирусский союз с кочевниками, он противопоставил себя коалиции русских князей» (34, с. 29; 38, с. 207—208). Характеризуя статус княжества в первой половине XII в., исследователь отметил его своеобразие. С одной стороны, он принимает предложенную Г. Г. Литавриным дату восстановления власти Византии на Боспоре — не ранее 1094 и не позднее 1115 г. (32, с. 234). С другой, исходя из данных Идриси, приведенных Б. А. Рыбаковым (39, с. 17), пишет о правлении здесь в первой половине XII в., то есть после восстановления власти Византии, династии Олубияс, видя в ней возможных потомков Олега. «Как видим, — делает вывод В. Л. Янин, — это двойственное состояние Боспора, при котором существование здесь особой местной династии сочеталось с элементами значительного влияния Византии, как бы уходит корнями в своеобразие Тмутараканского княжества времен Олега Святославича. Уже тогда необычайная титулатура печати Олега-Михаила отразила самостоятельность его княжения и разрыв с традиционными формами русской княжеской организации» (34, с. 29). На наш взгляд, наблюдение о двойственности статуса Тмутаракани на рубеже XI—XII вв., когда сохранение власти князя, как полагает исследователь, сочеталось с византийским влиянием, следует распространить и на время правления Олега в 1083—1094 гг. Мы считаем, что титулатура моливдовула Михаила, если исходить из традиционного отождествления его с Олегом, отразила именно двойственность его статуса, но не самостоятельность его княжения, и была связана с характером его предшеству-

ющих отношений с Византией в 1079—1083 гг. Поэтому и статус Тмутаракани в 80—90 гг. XI в. может быть рассмотрен не в рамках системы древнерусских княжеств, но в пределах системы международных отношений Византии — ойкуменческого сообщества.

Напомним, что после того, как князь Тмутаракани Мстислав в 1023 г. захватил Чернигов и перенес сюда свою резиденцию, Тмутаракани, по меньшей мере, политически оказалась связанной с черниговским уделом, рассматривалась как его составная часть (27, с. 21—23). До 1033 г. Тмутараканью правил сын Мстислава Евстафий. Известно, что в 1054 г. правивший в это время Черниговом Святослав Ярославич поселил здесь своего сына Глеба, изгнанного из Тмутаракани двоюродным братом Ростиславом в 1064 г. На следующий год Святослав вновь возвратил сына в княжество, но вскоре он был вторично изгнан из него Ростиславом в качестве князя Тмутаракани предпринявшим попытку расширения своих владений за счет кософов «и иных стран» (22, с. 99). По-видимому, последнее и явилось причиной того, что в 1066 г. он был отравлен византийским катепаном Херсона (ср. 29, с. 207). А. Л. Яacobсон считал, что убийство князя было совершено с санкции императора Константина X Дуки, к которому обратился за помощью Святослав (40, с. 21). А. Н. Насонов полагал, что устранение князя было следствием его стремления распространить свою власть на кософов, а также захватом Керчи (41, с. 96—97). Как бы то ни было, в 1066 г. Тмутараканью вновь правит Глеб, о чем свидетельствует Тмутараканский камень. Положение здесь меняется после смерти Святослава в Киеве в 1076 г. Его сыновья утрачивают Чернигов, перешедший под контроль Всеволода Ярославича. В 1078 г. был убит правивший Новгородом Глеб. К правившему с 1069 г. Тмутараканью Роману Святославичу в 1077 г. бежит Борис Вячеславич, а в 1078 г. из Чернигова — Олег Святославич. В том же году в союзе с половцами Олег и Борис отвоевали Чернигов, но 3 октября при Нежатиной ниве были разбиты войсками своих дядей — Изяслава Киевского и Всеволода Черниговского. Гибель здесь Изяслава привела к перемещениям в уделах. Всеволод стал великим князем Киева, передав Чернигов сыну — Владимиру Мономаху. В 1079 г. выступивший против Всеволода Роман был убит в походе своими союзниками половцами (ср. 3, с. 5, прим. 14). Тогда же, как полагает М. В. Левченко, по наущению Всеволода был схвачен в Тмутаракани или около нее Олег и выдан «козарам»* Византии, скорее всего, представите-

*По мнению А. В. Гадло (29, с. 198), это были потомки хазаро-болгарских родов, составивших часть населения Тмутаракани.

лям ее администрации в Крыму (42, с. 420). Князь находился в плену четыре года. Из них два — в ссылке на о. Родос. По-видимому, этим временем следует датировать его брак с Феофаной Музалон (ср. 43, с. 90). Тмутаракань и, возможно, Керчь перешли под контроль Всеволода, приславшего сюда в качестве наместника посадника Ратибора. Но уже в 1081 г. он был изгнан князьями Давидом Игоревичем и Володаром Ростиславичем, которых, в свою очередь, изгнал в 1083 г. возвратившийся из Византии Олег. Относительно обстоятельств его возвращения мнения исследователей разделились. М. Н. Карамзин полагал, что князь вернулся, «вероятно, с помощью греков» (44, с. 56). Данную точку зрения принял Х. Лопарев, писавший: «Логика подсказывает, что Олег не мог без посторонней помощи занять и распорядиться в городе, откуда был изгнан. Но очевидно, что у него были войска, быть может, греческие» (35, 5, с. 164). М. Д. Приселков считал, что известную роль в возвращении Олега сыграл Всеволод, столкнувшийся с Игорем и Володаром, чтобы лишить их базы для нападения на Русь (45). М. В. Левченко писал, что возвращение князя произошло «по соглашению со Всеволодом», так как вплоть до его смерти в 1093 г. Олег «не предпринимал никаких попыток отвоевать Чернигов» (42, с. 420). В. А. Мошнн предположил, что Олег получил свободу и вернулся в Тмутаракань ценой признания сюзеренитета Алексея Комнина (46, с. 55). Но А. П. Каждан не согласился с этим, полагая, что «политическая обстановка в первые годы правления Алексея Комнина не позволяла византийскому правительству мечтать о территориальных приобретениях на далекой Тамани. Олег Святославич вполне мог действовать как союзник, а не как вассал византийского императора» (16, с. 93). А. Л. Монгайт писал, что Олег вернулся «не без помощи Византии», тогда как Г. Г. Литаврин прямо связывал водворение князя в Тмутаракань с поддержкой империи (25, с. 69; 32, с. 223). Еще более четко данная точка зрения сформулирована в совместном докладе Г. Г. Литаврина и А. П. Каждана на XIII международном конгрессе византистов в Оксфорде. Характеризуя политику Византии в Северном Причерноморье, исследователи писали: «К 1059 г. Византия уже владела частью Восточного Крыма — Сугдеей. Отношения населения византийских поселений в Крыму и жителей Тмутаракани были дружественными. Однако правители Византии мечтали о владении этой отдаленной от основных русских земель областью... В 1079 г., по-видимому, по соглашению с Никифором III Вотаниатом великий киевский князь Всеволод сослал в Византию своего врага, тмутараканского князя Олега (Михаила) Святославича. Олег стал оружием замыслов Алексея I Комнина в отношении Тмутаракани... В

1083 г. он вернулся и силой вновь утвердился в Тмутаракани, которой, по-видимому, владел до 1094 г. (в этом году он занял Чернигов) или до своей смерти в 1115 г... По всей вероятности, Алексей I, помогая Олегу вернуться, обеспечил за собой права на Тмутаракань после получения Олегом нового города на Руси (1094) или после смерти князя (1115) (47, с. 9). Таким образом, авторы признают наличие византийских планов возвращения Тмутаракани, что ранее отрицал А. П. Каждан. Инициатива пленения Олега приписана киевскому князю. Но тогда закономерен вопрос — почему Олег оказался в заключении не в Киеве, а в Византии? Представляет интерес гипотеза о соглашении между Олегом и Алексеем Комниным, по условиям которого, предоставляя князю свободу и оказывая ему военную помощь для возвращения Тмутаракани, император обеспечил себе ее наследование после возвращения Олега на Русь. Тезис же о русской этнокультурной основе княжества, лишь отделенного от «основных русских земель», убедительно опроверг А. В. Гадло (48, с. 25).

Б. А. Рыбаков не отметил какой-либо роли Византии ни в пленении, ни в возвращении Олега. Он писал: «Хазары схватили самого Олега и увезли его в Константинополь... Четыре года провел Олег в Византии. Из них два года он прожил на богатом и большом острове Родос... Молодой князь женился в изгнании на знатной гречанке Феофании Музалон и, очевидно, перестал быть пленником. В 1083 г. Олег вернулся в Тмутаракань, жестоко расправился с хазарами и выгнал двух второстепенных князей, незадолго до этого захвативших город» (49, с. 547). В. Л. Янин не дал оценки условиям возвращения Олега, по-видимому, не считая их существенными, тогда как А. В. Гадло писал, что князь возвратился с помощью греческих наемников (34, с. 26—29; 29, с. 208; 3.)

Из вышеприведенных точек зрения следует, что большинство исследователей полагало, будто Олег был схвачен и отправлен в Константинополь в результате совместных действий Византии и киевского князя, тогда как выйти из плена и вернуться в Тмутаракань он смог только с согласия Всеволода. Учитывая контакты последнего с империей, данные предположения не лишены оснований.

По мнению М. Д. Приселкова, отношение имперской администрации к положению на границах крымских владений Византии во многом определялось характером ее отношений с Киевом, т. е. союзом с «триумvirатом» старших Ярославичей, последовательно бывших киевскими князьями и владевшими черниговским уделом, частью которого была Тмутаракань (45, с. 105). В духе русско-византийских договоров 944 и 971 гг., как писал Н. А. Насонов, приписывая эту роль князю Тмутаракани, киевские

князя были обязаны «воевать» Корсунскую землю, если она перестанет быть покорной империи. В то же время великий князь был обязан защищать Херсон и крымские владения империи от набегов «черных болгар» (9, с. 87—88, 89). И действительно, из отрывочных сведений византийских и русских хроник известно, что русский отряд принял участие в подавлении мятежа Цулы, а в 1076 г. для подавления очередного восстания в Херсоне по просьбе Михаила VII Дуки Святослав и Всеволод отправили сюда войска с сыновьями Глебом и Владимиром (50, с. 131). Прибытие отряда Сфенга не из Киева, но из Константинополя, по-видимому, связано с событиями, последовавшими на Руси после смерти Владимира, братом которого называет Сфенга Скилица (51, с. 464). А. В. Гадло считает его главой наемного варяжского отряда на византийской службе (27, с. 26). Но Скилица счел необходимым объявить его братом киевского князя...

Таким образом, и в данном аспекте византийско-русский союз сохранял свое значение и после конфликта 1043 г., тем более, что после его урегулирования отношения империи с Киевом стали еще более тесными, о чем свидетельствует брак Всеволода с дочерью Константина IX Мономаха Марией (52, с. 85)*. И хотя после Манцикерта внешнеполитическое положение Византии резко ухудшается, о чем свидетельствует сам факт обращения императора за помощью в Киев, сразу же после прихода к власти Алексея I Комнина в 1081 г. был заключен мирный договор с образовавшимся на принадлежавших ранее Византии территориях Малой Азии сельджуцким Румским султанатом, что дало императору возможность перебросить войска из Малой Азии на Балканы для борьбы с норманнами и печенегам. Показательно, что свои крымские владения в это время Византия удерживала достаточно прочно. Поэтому возвращение Олега в Тмутаракань в качестве вассала императора было явно связано с внешнеполитическими планами Византии на Боспоре Киммерийском, как, впрочем, и брак князя с Феодано Музалон. Подобными браками правящие круги империи удостаивали тех владетелей, на лояльность или поддержку которых они рассчитывали и уровень брака дает возможность определить статус Олега с точки зрения правящих кругов Византии. Так, около 1031 г. получил в жены племянницу Романа III Аргира царь Грузии Баграт IV, около 1032 г. — его же племянницу — шаханшах Армении Ованнэс-Смбат. Наконец, дочь Константина Мономаха — Всеволод (53, с. 47; 51, с. 498. 9—11; 38, с. 221).

*Утверждение В. Г. Брюсовой о походе русских на Херсон в 1043 г. ошибочно (54, с. 58—61. Ср. 55, с. 37).

То есть, суверенные владетели получали в жены родственниц императора. Но Олег женился на представительнице одной из аристократических фамилий, не связанной родством с императорским домом и не входившей в состав клана Комнинов. В целом, его возвращение из ссылки на условиях Византии (в противном случае его просто не выпустили бы на свободу) знаменовало восстановление византийского влияния в Восточном Крыму и на Тамани, так как появление здесь обязанному империи властью правителя, по словам Н. А. Насонова, «имело положительный смысл с точки зрения византийской политики» (9, с. 91). Но в Константинополе Олег рассматривался не как суверенный владетель, но как архонт, юридически находившийся под сюзеренитетом киевского князя, так как Тмутаракань подчинялась ему прямо, а затем и косвенно, будучи частью черниговского удела. После захвата власти здесь князьями-изгоями из Руси, пытавшимися проводить самостоятельную внешнюю политику, непредсказуемость их действий, равно направленных против империи и киевского князя и равно им угрожавших, предопределили координацию действий обеих сторон против Тмутаракани. В связи с этим следует поставить и отравление Ростислава, и пленение Олега. В пользу этой координации свидетельствует и тот факт, что хотя Олег и был отправлен в Византию, наместником Тмутаракани стал присланный Всеволодом, как киевским князем, посадник Ратибор (1079—1081). Как следствие, водворение Олега в Тмутаракань явилось с точки зрения империи возвращением к норме ее отношений с пограничным архонтом. Но если наместник Тмутаракани фактически и юридически подчинился киевскому князю, то Олег явно стал вассалом василевса. То, что это было сделано с согласия Всеволода, санкционировавшего таким образом вхождение Тмутаракани в орбиту имперского влияния, подтверждается полным прекращением со стороны Олега каких-либо попыток вмешательства в общерусские дела вплоть до смерти Всеволода в Киеве 13 апреля 1094 г. (56, с. 231), после чего Олег тотчас же возвратился на Русь и овладел Черниговом. Именно отсутствием какой-либо внешнеполитической активности второй период правления Олега в Тмутаракани разительно отличается от предыдущего (1079—1083).

Таким образом, признаем ли мы Олега-Михаила обладателем молдавского архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии или нет, его обязательства в отношении Византии представляются нам несомненными, как и вассальный статус. То есть, влияние империи на Боспоре Киммерийском начинает возрождаться с появлением здесь Олега и в дальнейшем можно говорить лишь об его усилении вплоть до 1094 г., когда после ухода князя на Русь в Тмутаракани

была восстановлена византийская администрация.

Статус Олега между 1083—1094 гг. был подобен статусам мелких владельцев лимитрофных образований, протянувшихся вдоль восточных границ Византии, буферных государств, находившихся в той или иной степени зависимости от Византии в рамках ойкуменического сообщества. Признавая сюзеренитет насилевса и получая византийские саны, их владельцы брали на себя обязательства во главе своих войск защищать границы империи. Система эта была разрушена в ходе сельджукского завоевания Ближнего Востока и восстановление ее как гаранта стабильности границ Византии было для нее жизненно необходимо. Создается впечатление, что освобождение Олега и возвращение его в Тмутаракань явились составной частью нового этапа политики Византии, целью которого было восстановление данной системы. Уже в 1085—1094 гг. Алексей I ведет наступательные военные действия против сербов, принудив Зету и Рашку признать сюзеренитет империи (57, с. 109). До 1103 г. был восстановлен византийский сюзеренитет над городами Далмации. К 1091 г. были изгнаны с Балкан норманны и в союзе с половцами разгромлены печенеги. Как следствие, к началу 90-х гг. внешнеполитическое положение империи не только стабилизировалось, но и укрепились. В этой связи политика Византии на Боспоре Киммерийском в 90-е гг. XI в. не выглядит столь уж изолированной и не кажется столь уж немотивированной, как то считал А. П. Каздан.

Таким образом, если признать тождество архонта Михаила с князем Олегом, а также то, что он был возвращен в Тмутаракань с санкции императора, на чем сходятся большинство исследователей, то, вопреки мнению В. Л. Янина, свободы титула у него не было. Реконструируя внутривизантийскую борьбу в княжестве в 60—80-е гг. XI в., А. В. Гадло писал, что одна из группировок городской верхушки Тмутаракани, «козары», не желала мириться с тем, что город зависим от Чернигова и туда утекает часть городских богатств. Поэтому здесь начинается серия античерниговских восстаний. «Козары» инспирируют убийство Романа Святославича во время похода на Чернигов (о чем не сообщает ни один источник — В. С.) и передают Византию плененного ими Олега (3, с. 11). Таким образом, исследователь полагает, что «козары» не разделяли стремление Олега вернуться в Чернигов и не желали, чтобы Тмутаракань вновь стала частью удела. «Возвращение Олега в 1083 г., хотя и положило конец существованию античерниговской партии «козар» (перебитых Олегом как противников его политики — В. С.), но не изменило ее общий курс. Олег принял его и это помогло ему не только самому в течение десятилетия удержаться в Тмутаракани, но и пе-

редать ее младшим сыновьям» (3, с. 11). То есть, уничтожение партии «козар» Олегом не изменило ее общий курс. Князь воспринял его, отказавшись от притязаний на Чернигов и поэтому спокойно правил в Тмутаракани до 1094 г. Искусственность данного построения очевидна. Если все так, как полагает А. В. Гадло, почему Олег возобновил притязания на Чернигов в 1094 г.?! В другой работе, аргументируя невозможность атрибуции моливдовула Олегу, исследователь пишет: «Допустить, что, захватив Тмутаракань, а это произошло после четырехлетнего пребывания в Византии, и вряд ли без ее помощи, он отказался от борьбы за наследственное княжение, очень трудно. Вряд ли он был интересен Византии, если бы мог удовлетвориться тмутараканским княжением (разрядка наша — В. С.)». А если Олег не мог отказаться от своих прав на «коренные русские земли», то он не мог отказаться и от титула «русского князя», «архонта России», удовлетворившись титулом архонта Матрахи, Зихии и всей Хазарии» (29, с. 197). Следовательно, в данном случае, по мнению исследователя, возвратившись в Тмутаракань с помощью Византии, Олег не мог быть обладателем моливдовула, так как он не мог отказаться от претензий на Чернигов и именно поэтому был интересен Византии! Но как же быть с утверждением А. В. Гадло о том, что лишь отказ от этих претензий дал князю возможность спокойно править Тмутараканью до 1094 г.? Противоречивость и искусственность построения А. В. Гадло настолько очевидны, что они не нуждаются в опровержении. На наш взгляд, отказ Олега от попыток отвоевать Чернигов между 1083—1094 гг. мог быть связан только с позицией Византии, с характером ее отношений с Киевом, и вытекал из статуса князя, наязанного ему империей после того, как с помощью ее войск (что не отрицает и А. В. Гадло) был выдворен в Тмутаракань. Утверждение автора о том, что «в византийской номенклатуре государственных чинов и титулов иноземных правителей, на которую, несомненно, ориентировался автор текста печати, титул «архонта всей Хазарии» должен был соответствовать титулу «хакан» (3, с. 7). Но Скилица называет архонтом Хазарии императорского протоспафария и стражника Боспора Георгия Цулу (53, с. 254; 2, с. 133—134). Моливдовул начала XI в. отражает топонимику и политические реалии своего времени, но не века предшествующего. Напомним в этой связи точку зрения В. С. Шандровской о том, что печать фиксировала лишь то положение владельца, которое он занимал (39, с. 36). Тождество же Крыма с Хазарией по крайней мере на время восстания Цулы признает и сам А. В. Гадло (26, с. 26). Действительно, до XV в. византийские источники называют Крым

Хазарией. Так Иоанн Евгеник называет князя Феодоро Алексея «солнцем Готфии» и «столпом Хазарии» (58, с. 94; 59, с. 266). Следовательно, Хазария печати Михаила — Крым.

Статус и функции (сан лишь фиксировал их) были навязаны Олегу Византией как условие возвращения ему свободы и власти, но власти в рамках византийского статуса и административного поста. Само существование моллидовула, если признать его принадлежность Олегу, показывает, что князь был вынужден признать данный статус официально, так как печать скрепляла выходившие из его канцелярии документы. Как следствие, говорить о его независимости, по крайней мере в юридическом плане, не приходится. Иное дело, насколько юридический статус совпадал с фактическим? В положении, в котором оказалась Византия в 70 — начале 80-х гг. XI в., произошел разрыв между юридической и фактической сторонами статуса носителя византийского сана, который более чем когда-либо определялся не воззрениями на него империи, но реальным международным положением ее, которое до начала 80-х гг. оставалось довольно сложным. Крах ойкуменического сообщества в международно-правовом аспекте наиболее ярко проявился в девальвации бывшей в употреблении системы византийских санов, в новых условиях уже не отражавшей истинного характера отношений между василевсом ромеев и правителями соседних государств. Это было осознано и правящими кругами империи, где на смену старой системе санов после захвата власти Алексеем Комниным пришла новая, что было отмечено и современниками (22, с. 122—123). Но возвращение Олега в Тмутаракань произошло в 1083 г., до того, как реформа была проведена. В ином случае он был бы удостоен сана от куропалата до севаста, которых на рубеже XI—XII вв. были удостоены владельцы малоазийских армянских княжеств (37, с. 36—41; 60, с. 46).

Уникальные монеты князя Михаила, если согласиться с их традиционной атрибуцией Олегу, интерпретировались как свидетельство его обособления в рамках системы древнерусских княжеств. «Факт принадлежности Олеговых сребреников к южнорусской денежно-весовой системе, если он в дальнейшем подтвердится, будет представлять интерес... Он должен, по видимому, указывать на то, что, несмотря на явную тенденцию к политическому обособлению и даже противопоставлению Тмутараканского княжества остальной Руси, отмечаемую в деятельности князя Олега Святославича 1083—1094 гг., когда он официально титулуется совершенно необычным для русского князя образом — «архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии» и заключает антирусский союз со степными кочевниками, традиционно тесные (экономические? — В. С.) связи Тмутаракани с остальной Русью и в этот период остаются неизменными» (61, с. 254). Но деятельность князя

как раз между 1083—1094 гг. неизвестна. Совершенно необычный для русского князя титул обычен для византийского вассала, близкого к статусу имперского функционера и лимитрофной зоне. Объясним и факт чеканки монет, явно имевший репрезентативную функцию. Как писала И. В. Соколова, «скорее всего можно согласиться с мнением исследователей о том, что древнерусский чекан нес прежде всего престижную функцию. Значение выпуска монет как прерогативы главы государства прекрасно понимали даже полусуверенные государи» (62, с. 71). Последнее применимо и к государям византийской системы международных отношений, которые в той или иной степени признавали сюзеренитет василевса и имели византийские саны. Известны монеты владельца Тао куропалата Давида Багратида, царя Ташир-Дзоргета Кюрикэ, князя Горной Киликии Тороса I Рубенида (63, с. 53—54; 64, с. 65—66; с. 60—66). Таким образом, факт чеканки монет не свидетельствует о независимости владельца.

Отметим его единственный характер на фоне массовых выпусков т. н. таманских подражаний византийским монетам, датированных после 1015 г. и продолжавшихся до конца XI в., что дало основание исследователям связывать их именно с тмутараканским княжеством (67, с. 217; 69, с. 175). Это противоречит мнению А. В. Гадло, полагающего, что чеканка монет Михаила «с русской надписью и приближенным к южнорусской системе номиналом (что А. А. Молчанов лишь предполагал — В. С.)» является отражением русофильской политики князя и, как следствие, аргументом против атрибуций моллидовула Михаила и самих монет Олегу (29, с. 211). Но данная зависимость не может быть установлена, так как никаких реальных критериев для этого нет.

В 1094 г. после получения известия о смерти Всеволода в Киеве Олег оставил Тмутаракань и возвратился на Русь, где он вскоре овладел Черниговом. Так как Мануил Стравором синхронизирует возвращение Боспора Киммерийского в состав Византии с успехами Алексея Комнина на Балканах и в Киликии, то переход Тмутаракани под власть имперской администрации следует датировать 1094 г. (66, с. 237—242). И действительно, с этого времени со страниц древнерусских летописей исчезают сколь-нибудь достоверные сведения о судьбах Тмутаракани, что не дает оснований рассматривать ее последующую историю в контексте истории Руси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Л а т ы ш е в В. В. Сборник греческих надписей христианского времени из Южной России. — СПб., 1896.
2. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. — Л.: Искусство, 1983.
3. Г а д л о А. В. Тмутараканские этюды. IV.

- Старшие Ярославичи и Ростислав // Вестник ЛГУ. 2 серия. — 1990. № 4
4. O i k o n o m i d e s N. Les listes de pres-eance Byzantines des IX et X siecles. P., 1972.
  5. Б а р а н о в И. А. Периодизация укреплений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XV вв. — Ростов, 1989.
  6. Л и т а в р и н Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. — М.: Наука, 1960.
  7. Ю з б а ш я н К. Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX—XI вв. — М.: Наука, 1988.
  8. К у л а к о в с к и й Ю. А. К истории Боспора — Керчи в XI—XII вв. // Труды XI археологического съезда в Киеве в 1899 г. — М., 1902. — Т. 2.
  9. Н а с о н о в Н. А. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // Исторические записки. — 1940. 6.
  10. А р т а м о н о в М. И. История хазар. — Л.: Изд-во ГЭ, 1962.
  11. S c h l u m b e r g e r G. Sigillographie de l'Empire Byzatin; P., 1895.
  12. В а с и л ь е в с к и й В. Г. Введение в «Житие св. Стефана Сурожского» // Васильевский В. Г. Труды. — СПб., 1915. — Т. 3.
  13. В а с и л ь е в А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. — 1927. Т. 5.
  14. Л е в ч е н к о М. В. Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире // ВВ. — 1953. — Т. 7.
  15. П а н ч е н к о А. В. Каталог моливдовулов // ИРАИК. — 1908. — Т. 13.
  16. К а ж д а н А. П. Византийский податный сборщик на берегах Боспора Киммерийского в конце XII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. — М.: Наука, 1962.
  17. B i r c h W. G. Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. — L., 1898. — Vol. 5.
  18. С о к о л о в а И. В. Византийские печати из Херсонеса // Византия и средневековый Крым. — Барнаул: Алтайское кн. изд-во, 1992.
  19. К р о п о т к и н В. В., М а к а р о в а Т. И. Находка монеты Олега-Михаила в Керчи // СА. — 1973. — № 2.
  20. Я н и н В. Л. О печатях Ратибора // СА. — 1960. — № 2.
  21. А н н а К о м н и н а. Алексиада. Вступ. статья, перевод и комм. Я. Н. Любарского. — М.: Наука, 1965.
  22. Повесть Временных лет. Подг. текста Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой — Перетц. Статья и комментарии Д. С. Лихачева. В 2 тт. — М.-Л.: Наука, 1950.
  23. С к р ж и н с к а я Е. Ч. Греческая надпись из Тмутаракани // ВВ. — 1961. — Т. 18.
  24. К о з л о в с к и й И. П. Тмутаракань-Таматарха-Матарха-Тамань // ИТОИАиЭ. — Симферополь, 1928. — Т. 2.
  25. М о н г а й т А. Л. О границах Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. — М.: Наука, 1962.
  26. Г а д л о А. В. Тмутараканские этюды. III. Мстислав // Вестник ЛГУ. — 2 серия. — 1990. — № 2.
  27. Г а д л о А. В. Восточный поход Святослава. К вопросу о начале Тмутараканского княжества // Проблемы истории феодальной России. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
  28. П л е т н е в а С. А. Хазары. — М.: Наука, 1976.
  29. Г а д л о А. В. К истории Тмутараканского княжества во второй половине XI в. // Славяно-русские древности. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — Вып. I.
  30. Р о р р е А. The politikal backgroqnd to the baptism of Rus. Byzantino-russian relations between 986—989 // DOP. // 30. 1976.
  31. В а н е с с у N. La domination byzantine a Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en «Russie» a lepoque des Comnemes // Bulletin de la section Historique. — Bucarest, 1941. — T. Fasc. 2.
  32. L i t a v r i n G. G. A propos de Tmutorocan // Byz., — 1965.— T.35.
  33. S o l o v i e v A. V. Domination Byzantine ou Russe au Nord de la Mer Noire a l'epoque des Comnemes // Akten des XI Intern. Byzantinisten Kongresses Munchen. — 1958. Munchen, 1960.
  34. Я н и н В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. — М.: Наука, 1970. — Т. I.
  35. Л о п а р е в Х. Византийская печать с именем русской княгини // ВВ. — 1894. — Т. 1.
  36. Реплика В. Лорана.
  37. Ш а н д р о в с к а я В. С. Из истории армяно-византийских отношений. По данным сфрагистики // ВОН АН Арм. ССР. — 1974. — № 4.
  38. Я н и н В. Л., Л и т а в р и н Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник к 60-летию А. В. Арциховского. — М.: Изд-во МГУ, 1962.
  39. Рыбак о Б. А. Русские земли на карте Идриси // КСИИМК. — 1952. — Вып. 43.
  40. Я к о б с о н А. Л. Средневековый Херсонес XII—XIV вв. // МИА. — 1950. — № 17.
  41. Н а с о н о в А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. — М., 1951.
  42. Л е в ч е н к о М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. — М.: Изд-во АН СССР, 1956.
  43. Я н и н В. Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. — Киев, 1965. — Вып. 2.
  44. К а р а м з и н Н. М. История государства Российского. — СПб., 1842. — Т. 2.
  45. П р и с е л к о в М. Д. Русско-византийские отношения IX—XI вв. // ВДИ. — 1939. № 3.
  46. М о ш и н А. А. Николай, епископ Тмутараканский // Семинариум Кондаковيانум. — Прага, 1932. — Т. 5.
  47. Л и т а в р и н Г. Г., К а ж д а н А. П. Экономические и политические отношения Древней Руси и Византии // XIII intern. Congress of Byzantine Studies. Oxford. 1966. Main Papers. — Т. 3.
  48. Г а д л о А. В. Тмутараканские этюды. I.

- Страна адыгов во второй половине I тыс. н. э. // Вестник ЛГУ. 2 серия. — 1989. — № 1.
49. Рыбаков Б. А. Князя «Гориславици» и киевское восстание 1113 г. // История СССР. — М.: Наука, 1966. — Т. 1.
  50. Татищев В. Н. История Российская. — М.: Наука, 1963. — Т. 2.
  51. Georgius Cedrenus Ioannis Scyletzae opе. Вонпае. 1938. — Т. 11.
  52. Литаврин Г. Г. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. // ВВ. — 1967. — Т. 27.
  53. Матиане Картлиса. Перевод, введение и прим. М. Д. Лордкипанидзе. — Тбилиси: Мецниереба, 1976.
  54. Брюсова В. Г. Русско-византийские отношения середины XI в. // ВИ. — 1972. — № 3.
  55. Богданова Н. М. Церковь Херсонеса в X—XV вв. // Византия, Средиземноморье и славянский мир. — М.: Изд-во МГУ, 1991.
  56. Высоцкий С. А. Запись о саркофаге Всеволода Ярославича // СА. — 1963. — № 4.
  57. Радич П. Мануил Стравороман. Прилог истории и византийско-южнославянских отношений край ем XI и у првым годинами XII века // ЗРВИ. — 1989. — 27/28.
  58. Спиридонов Д. С. Заметки по истории эллинизма в Крыму. I. Из семейной истории мангупского дома // ИТОИАиЭ. — Симферополь, 1928. — Т. 2.
  59. Скржинская Е. Ч. // ВВ. — 1953. — Т. 6. — Рец. на кн.: Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. XII—XIV вв. // МИА. — 1950. 17.
  60. Веш Н. G. Geshichte der byzantinische Volkkliteratur. Munchen. 1971.
  61. Молчанов А. А. Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича // СА. — 1982. — № 1.
  62. Соколова И. В. Несколько замечаний по поводу византийских прототипов древнерусских монет // СГЭ. — 1975. Вып. 10.
  63. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика — М.: Изд-во АН СССР, 1955.
  64. Добровольский И. Д. Монеты Кюрике куропалата // СГЭ. — 1974. — Вып. 38.
  65. Карапетян М. Е. Монеты киликийского князя Тороса // ВОН АН Арм. ССР. 1972. — № 11 (арм.).
  66. Литаврин Г. Г. Новые сведения о Северном Причерноморье XII в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. — М.: Наука, 1972.
  67. Голенко К. В. Новые материалы по изучению таманских подражаний византийским монетам // ВВ. — 1961. — Т. 18.
  68. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. — М.: Наука, 1962. — Вып. Е 4—4.

В. С. ШАНДРОВСКАЯ

ПЕЧАТЬ ИОАННА КОНТОСТЕФАНА КОМНИНА

В 1990 г. в Партените, под Кале-поти была случайно найдена свинцовая подвесная печать*. Позже она была передана на консультацию в Государственный Эрмитаж** и реставрирована.

Ее исследование показало: печать — византийская, с двусторонней греческой надписью. Молибдовул размером 28 мм в диаметре имеет относительно хорошую сохранность***. Оттиск несколько смещен в сторону, отдельные буквы отпечатались недостаточно четко.

Лицевая сторона. Четырехстрочная надпись:
 +Κοιτοσσε —
 φάνου τας

γραφис
ωά(νου)

Оборотная сторона. Четырехстрочная надпись:

ελιοφρα —
υιας μη —
τροδεν Κο —
μηνοῦ

*+ Печать писаний Иоанна Контостефана, Комнина по матери. Особенности надписи в употреблении лигатур: σ-τ, μ-ν-η, ο-υ.

Что нам известно о заказчике печати, указавшем, кроме личного имени, фамильные имена отца и матери?

Иоанн был старшим сыном Анны, дочери императора Иоанна II Комнина и командующего византийским флотом Стефана Контостефана, имеющего высокий титул паниперсеваста, а также определение «деспот». Подтверждением последнего может служить найденная в Болгарии печать Стефана Контостефана (1, 9, № 142) (О Стефане Контостефане см.: 2, 158; 3, 1521—1522, № 2723; 4, 114, № 119).

*Этой находкой мы обязаны школьному учителю истории С. Мацкевичу.

**За возможность ознакомления с печатью принишу свою благодарность В. Л. Мыцу.

***Из-за смещения оттиска несколько букв вышли за край поля. Поверхность печати частично потерта, повреждена в нижней части лицевой стороны.